и мать тоже. Навѣсту высватали за его въ другой губерни,—такъ и его женили. Свадьба прошла; его и царемъ отецъ поставилъ на мѣсто собя. И стали они жить да поживать да добра наживать да лиха избѣгать.

Вотъ и сказка вся, больше врать нельзя.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинской вол.
Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко"), 1912 годъ.

---

12. О томъ, какъ солдатъ снималъ портретъ съ королевы.

Одинъ царь былъ тоже, видите ли, и началъ выкликать, кто бы сходилъ за тридеветь морей, за тридеветь земель, въ тридесято царство, въ тридесято государство.

— Я бы, говоритъ, нагрузилъ три судна: судно съ золотомъ, судно съ серебромъ и судно съ мѣдью. Нать тамъ посмотрѣть: у одного тамъ короля есь красавица хозяйка, потретъ бы съ ней снять, а она всё въ маски ходитъ.

А никто не выискивается, нѣтъ охотниковъ. Два генерала у него сидѣли при той бесёды. Идутъ домой и разговаривають:

— Вотъ, говорятъ, затѣйникъ какой! три судна нать нагрузить серебромъ да золотомъ да мѣдью, а всего достать одинъ портретикъ.

Одинъ салдатикъ на часахъ стоялъ, этотъ разговоръ и слышитъ.

— Охъ вы, чудаки! да эко мѣсто-то не беретесь! Я сходилъ бы, говоритъ.

Эти генералы ночь проспали, поутру встали и къ царю пошли и сказали:

— Тамъ одинъ салдатикъ насъ окухнàлъ и берется съѣздить.

— Но, давай! приведите салдата.

Потребовалъ царь салдата.

— Что, ты можешь сходить?

— Могу, Ваше Царско Величество.

— Вотъ и карабли тебѣ нагружóны, ступай съ Богомъ.

Вотъ онъ отправился путёмъ-дорогой салдатикъ.

Ѣдетъ онъ близко ли, далёко ли и доѣзжаетъ до того города, гдѣ жила красавица. Пристали и на гору онъ пошолъ. Приходитъ къ королю, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здраствуй, руской салдатъ, далечо ли вы пошли, далечо́ ли путь держите?

— До вашей милости.

— Садитесь, роскажите.

Посадилъ его за столикъ.

Ну, давай росказывай, зачѣмъ пошолъ.

— Покажите мнѣ, нельзя ли посмотрѣть вашей хозяюшки?

— Нѣтъ, другъ мой, нельзя. Никто у меня не видалъ ей.

— Ну, пожалуста, сдѣлайте милость.

— Дорого стоитъ, братъ, смотри вѣдь.

— Какъ дорого?

— А одинъ съ мѣдью карапъ; покажу, если желательно, только не всё.

— Хорошо, есь, сказалъ салдатикъ. Ну какъ будешь, на вѣсъ брать или залпомъ?

Царь пришолъ, посмотрѣлъ.

— А можно, говоритъ, и такъ принять. Но, пойдемъ теперь въ комлату.

Салдатика и повёлъ къ собѣ руского. Сѣли за столикъ, выпиваютъ сидятъ.

— Да вотъ, спрашиватъ салдатъ, нельзя ли посмотрѣть вашей мадамъ?

— Да отчего нельзя! Карапъ взялъ, такъ надо показать много-мало.

Король скамандовалъ:

— Приди сюда, открой половину лица.

Вотъ она и подошла.

Посмотрѣлъ.

— Хороша, говоритъ, хозяйка!

Ну и сидятъ опять, угощаются.

— Хорошо, говоритъ, Ваше сіятельство, немножко я посмотрѣлъ, а нельзя ли побольше?

— Ахъ, дорого будетъ стоить!

— Не стѣсняйся, говоритъ, что нужно, такъ заплачу. Есь ли у тебя съ серебромъ карапъ?

— Есь.

— Но, пойдемъ смотрѣть. Я не обману тебя.

— Смотри ужъ.

Пришли на карапъ, смотрятъ.

— Да что, спрашиватъ салдатъ, на вѣсъ будешь принимать или залпомъ?

— Почто на вѣсъ! карапъ нагружонъ, много дѣла будетъ. Вижу, что серебро.

— Но, хорошо!

Пошли опять домой, по чарочки выпили, поугощалися.

— Ты, другъ, сиди, говоритъ царь, угощайся этта, а я довѣтра сбѣгаю.

Ушолъ, а его хозяйка сичасъ и вышла вся, какъ есь красавица, не вздумать, не сказать, не перомъ написать. Къ ему салдатику подошла,—снимай потретъ хоть сколько! Налила ему бакалъ вина и говоритъ:

— Кушай на здоровье! Некогды съ тобой розговаривать долго. Вотъ, говоритъ, другъ, какъ онъ къ тебѣ придетъ этта,—я уйду ужъ,—вотъ ты и опять говори съ нимъ. „Вотъ что, Король, у меня и третей карапъ есь,—какъ выпьете много и третей карапъ ему оддай съ золотомъ". А онъ меня и скамандуетъ, а я тебѣ покажусь вся, безъ закрытія. Некогды розговаривать, а вотъ что: какъ третей карапъ ему отдашь съ золотомъ-то, я тебѣ приготовлю письмо.

Она ушла, а король пришолъ съ подворья. Вотъ сидятъ, розговариваютъ, какъ слѣдуетъ быть.

— Ваше Величество, нельзя ли вовсе показать? Я тебѣ третей карапъ отдамъ съ золотомъ.

— Хорошо.

Отдалъ и третей карапъ; тотъ и скамандовалъ:

— Жонка, выйди, покажись!

Жонка вышла, на еру́гу показалась.

— Ну, пойдёмъ смотрѣть карабля.

Сходили, посмотрѣли да-и распростились. Салдатъ ушолъ, а тотъ при́ домѣ остался.

Ночь проспали, поутру дожидается салдатикъ записочки. Вдругъ записочка пришла салдату.

„ — Ты въ утри, другъ, какъ записочку получишь, поѣзжай; тамъ у одного хресьянина есь дѣвушка такая, какъ я; ты высватай, вели къ вѣнцу ѣхать, а моего мужа возьми тысецкимъ и самъ тоже поѣзжай къ вѣнцу“.

Это онъ все и справилъ, какъ слѣдуетъ быть, и къ вѣнцу отправляется и беретъ этого короля тысецкимъ. Пріѣхали въ церковь. Королева стала подъ вѣнецъ, а эту дѣвушку отправили во дворецъ незамѣтнымъ образомъ.

Попъ и началъ вѣнчать. А король и кричитъ:

— Жонка моя!

Публика закричала:

— Какъ жонка твоя?

А салдатъ и говоритъ:

— Ваше Царско Величество, пойдемте о запуски: ежели жонка твоя, то казни мою голову, а ежели не жонка, то верни мнѣ карапь съ мѣдью.

— Ладно, давай.

— Сичасъ, говоритъ, публика, сходите, осмотрите, вѣрно ли егова жонка.

Публика сходила съ имъ, удостовѣрилась, дома ли жонка. Пришолъ онъ и скрычалъ:

— Жонка, ты гдѣ?

— Здѣсь! отвѣчатъ дѣвушка.

— Ты у вѣнца была?

— Что ты, что ты, я и съ мѣста не ходила.

Вотъ этотъ салдатъ отобралъ отъ него первой карапъ съ мѣдью.

Вотъ попъ опять сталъ вѣнчать, какъ слѣдуетъ быть. Первый разъ кругомъ налою-то повёлъ. А король опять крычалъ:

— Стой, батько, жонка моя!

— Ну, какъ такъ, какъ такъ? опять публика и скрычала, можетъ ли быть, пойдетъ ли жонка?

— Ну, король, записи сдѣлаемъ,—назадъ корапъ мой будетъ, если жонка твоя дома будетъ, а нѣтъ,—я проигралъ.

Опять публика изъ церквы маршъ королю на домъ. Пришли. Король скамандовалъ:

— Жонка? ты гдѣ бывала?

— А что ты, глупый, кричишь? Нигдѣ не была.

Ну, опять въ церьковь обратно. И второй карапъ получилъ салдатъ руской.

Священникъ свое дѣло правитъ, опять кругомъ налоя повёлъ.

— Стой, батько, не води, жонка моя!

— Что, какъ? Какъ жонка твоя? Съ какого голосу? Давай опять объ закладъ.

— Давай.

Опять сходили публика туды узнать, така ли правда. Узнали правды,—и послѣдній карапъ получилъ салдатъ, вотъ те и разъ! Пришли въ церковь, обвѣнчались и больше ни гугу! Обвѣнчался салдатъ да-й на карапъ съ хозяйкой. А король бѣжитъ и кричитъ:

— Увёзъ, увёзъ мою жонку!

Приказалъ палить пушками, а тѣ уѣхали, не схватишь. Ѣдетъ салдатъ въ свое государство. Пріѣхалъ, въ гавань стали, паруса опустили, якоря покидали. Царь выходитъ.

— Что, салдатъ, привёзъ патретъ?

— Ваше, Царско Величество, и саму привёзъ, не то что патретъ.

Вотъ тутъ и пошли пиры-балы́, и стали тутъ пировать, банкѐтовать.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинской волости.
Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко“). 1912 г.

---

13. Пѣтушокъ и Курушка.

Ходилъ пѣтушокъ съ курушкой на поповомъ полюшки, клевалъ попово зе́рнетко. Пѣтушокъ подавилсе. Посылатъ курушку къ рѣки, говоритъ:

— Сходи, попроси воды, напьюсь.

Она пришла и говоритъ:

— Рѣка, рѣка, дай воды! Пѣтушокъ подавилсе на поповомъ полюшки поповымъ зе́рнеткомъ.

Рѣка говоритъ:

— Поди, сходи къ липки, липка пушшай даётъ лисъ.

Она говоритъ липки:

— Липка, липка! дай мнѣ-ка лисъ, снесу рѣки, рѣка